

Поэтическую известность Наталья Петровна Кончаловской принесла книга о Москве «Наша древняя столица». Иллюстрации к ней делал В. А. Фаворский, привлеченный проникновенностью раскрытия истории русского народа и национального характера.

От своего отца — Петра Петровича Кончаловского и деда — В. И. Сурикова Н. Кончаловская унаследовала умение видеть мир глазами художника, что помогло ей написать романтическую быль «Дар бесценный» — о Сурикове, основанную на документах семейного архива, рассказах родных и собственных воспоминаниях (глава «Я помню»).

Тонкое чувство стилизованных особенностей музыки ярко проявилось у Н. Кончаловской при создании новых текстов к операм Моцарта «Дон Жуан», Массне «Манон», Обера «Фра-Дьяволо», Верди «Фальстаф», Эркеля «Банк бан», Керубини «Медая».

Выступая с литературно-музыкальными концертами, Н. Кончаловская собрала в Фонд мира 24 тысячи рублей. Она награждена Золотой медалью борца за мир.

ВОЙТИ в творческую жизнь поэта, композитора, художника можно, читая его стихи, слушая музыку, глядя на полотна. Мгновения сопереживания — это и есть проникновение в творческий мир художника. Но это встреча в конце пути, поскольку книга, картина, симфония — итог творческого процесса, предшествует же ему множество жизненных импульсов. Из самых разных впечатлений, переживаний, размышлений постепенно выкристаллизовываются произведения искусства, столь разные у разных мастеров. Посвятить нас в это таинство художнического труда может только сам художник. Если он, разумеется, склонен к этому. В известной мере это могут сделать и те люди, которые близки ему, находясь или находившись рядом с ним, которые видели и слышали, как рождался шедевр.

Мы входим в мир художника П. П. Кончаловского, Наталья Петровна раскрывает его атмосферу, глядя на нее изнутри, видя ее интимно, влюбленными глазами дочери, ощущая в себе всю радость мажорного видения мира, присущего ее отцу.

— В такой же солнечный день, как сегодня, мой отец, художник Кончаловский, окатывает молодую яблоню с двумя-тремя распушавшимися цветками. Работа доставляет ему наслаждение. Он вытаскивает лопату в землю, лубует бело-розовыми яблоневыми цветами, только что задыхавшейся, разрыхленной черной землей, потом вдруг идет в дом, выносит мольберт, краски, кисти. И тут же начинает писать эту яблоню, эту землю, эту лопату. И я заражаюсь его радостью. Восторг художника от работы, от жизни передается мне и, я думаю, до сих пор ощущается теми, кто смотрит на полотно Петра Петровича Кончаловского «Молодая яблонька».

Жизнелюбие, переполнявшее моего отца, проявилось буквально на каждом шагу и навсегда запечатлелось в работе. Как-то я прочла запись Петра Петровича на пейзаж, который он писал в Буграх. Летний день, громадная береза, от нее тянется к кустарнику тропинка. И вот на тропинке из зарослей ольшаника появилась женщина в розовой кофте и подоткнутой юбке, с корзиной. Подошла к нам, взглянула на холст и ахнула:

— Ватюшки, двадцать лет здесь хожу, а не замечала такой красоты!

Отец улыбнулся:

— А я вот заметил...

Она ушла, Петр Петрович тут же вынес ее фигуру в розовой кофте, с корзиной в пейзаж.

Наталья Петровна показывает мне редкий снимок, хранящийся у нее. На фотографии — Петр Петрович Кончаловский, улыбаясь, срывает яблоко с ветки. Вматриваюсь. Ах, вот в чем секрет... Снимок сделан в мастерской. Яблоня написана, и внизу виден край холста. Наталья Петровна смеется так же весело, как ее отец на фотографии.

— Петр Петрович очень любил проверять ощущение зрителя от своих работ. В доме на Пресне, в Коношском переулке, где он жил до 50-го года, Петр Петрович написал в своей столовой полку. На такие обычно ставят вещи, которые должны быть под рукой. На этой полке — словари, пепельница с

кожа теплее и выразительнее при таком свете.

— Брат мой, художник Михаил Петрович Кончаловский, так и оставил все в неприкосновенности.

Николай Павлович Охлопков с увлечением рассказывал мне, как однажды он приехал в Бугры приглашать Петра Петровича делать декорации к «Вишневному саду»:

«Представь себе, приезжаю к ним, рассказываю о замыслах постановки. Они сидят втроем, Петр Петрович с сыном, Ольга Васильевна. Переглядываются как-то странно. На столе свечи — электричества нет.

над головой аркой во двор, густо заросший черемухой и липами.

— Это все бывшие склады для магазина. Они каменные, а сам дом деревянный, оштукатуренный, он только выглядит как каменный. А вот тут на крыше был зимний сад, и дверь еще осталась, хоть наглухо закрыта.

— Видимо, не только знание Москвы, но и творческая фантазия позволяет вам так читать каменную летопись города? «Нашу древнюю столицу» невозможно было бы написать без смелого творческого воображения.

— И все-таки это совсем особая выдумка. Она та же, что у археологов, которые по нитке рассыпанных бус, найденных при раскопках, по

нере, которая и создает художественную целостность работы.

И Кончаловский, и Фаворский — художники могучие, и в то же время они художники разные, каждый по-своему выражавшие свое неистребимое жизнелюбие. Невольно вспомнились слова А. В. Луначарского, откликнувшегося на выставку П. П. Кончаловского в 1933 году. Он говорил, что нам нужна радость, ликование, ощущение бдения здоровых сил, что появление и развитие такого художника, как Кончаловский, это благо для нас.

— Наталья Петровна, слушая вас, думаю, что радость, уверенность, душевное здоровье никогда не покидали стен дома вашего отца.

— У нас, в доме Кончаловских, скучали или тосковали только по отсутствующим. Да, я думаю, если бы не эта атмосфера бодрости, Петр Петрович не смог бы перенести все действительно трудное, что выпадало на его долю. Сколько было написано о его работах недоброжелательных статей с самыми нелепыми суждениями критиков! Причем критике подвергались даже самые лучшие вещи, выдержавшие испытание временем.

Петру Петровичу приходилось проявлять большую силу характера, чтобы отстаивать свои творческие взгляды. Мама, Ольга Васильевна, тоже никогда не впадала в уныние. Могла вспылить, разгорячиться, характером она вышла в своего отца, Василия Ивановича Сурикова, и умела так же, как и он, бесстрашно переносить невзгоды. Никогда у нее не было никакой растерянности. Ни при каких обстоятельствах она не изменяла своим правилам.

Жизнерадостность матери, энергия, бодрость, так же как и ее вкус и точный глаз, сыграли большую роль в творчестве моего отца, очень считавшегося с ее мнением. Она делала с ним труд и отдых. Петр Петрович обладал прекрасным голосом. Каждый вечер в доме занимались музыкой. Отец пел, мама аккомпанировала. А когда он писал декорации к «Дон Жуану», то опера целиком проигрывалась и пропевалась всеми нами, всей семьей.

— Видимо, тут можно говорить о многогранности культуры, необходимой для творчества?

— Петр Петрович считал, что человек всегда должен стремиться ко все большему углублению культуры. Сам он знал испанский, французский, английский, итальянский языки и даже в старости не переставал совершенствоваться в них. По вечерам он, например, изучал английские идиомы. Английский он знал прекрасно. Когда он писал портрет Маршака, который не любил позировать, сидел вялый, поблекший, Петр Петрович начал его «заводить».

— Почему это, Самуил Яковлевич, в сонете о купидоне вы переводите, что амур уронил горящий факел? У Шекспира же он роняет горящее сердце.

Маршак начинает горячиться, сквозь стекла очков поблескивают глаза, доказывает, что по-русски «уронить горящее сердце» звучит банально. А Петру Петровичу только того и надо. Он тут же старается схватить это выражение лица Маршака.

— Постигали вас когда-нибудь творческие неудачи?

— Да, конечно.

— Как вы к ним относитесь?

— Неудача — иногда вещь полезная, она подготавливает. Когда вспоминаешь жизнь художников, то видишь, что их часто постигали неудачи, но настоящему творческому человеку они никогда не идут во вред. В борьбе с самим ли собой, с условными ли, с недоброжелателями ли очищается дорога к самому прекрасному. Умение нужно выстрадать. Настоящее большое искусство бывает отшлифовано жизнью.

Беседу вела Евдокия ЯЗЫКОВА.

ВЫСТРАДАЙ УМЕНИЕ

трубкой, коробка спичек. Казалось, что полка настоящая и сюда можно еще что-то положить.

— Это его шутка?

— Нет, скорее неожиданное использование формы и цвета художником, которого переполняла радость бытия.

— Но вы ведь не станете отрицать, что жизнь состоит не только из положительных эмоций. А печали, беды, просто уныние, наконец? Что ж делать, люди подвержены и этим чувствам.

— Да-да, несомненно. Но как существует гигиена тела, так же есть и гигиена духа. Иногда люди просто растравливают себя, не борются с неприятными эмоциями. Бывает, человек испытал комариный укус, а раздувает переживание, плачется, наслаждается собственным страданием.

Мне до сих пор придает в жизни силы то, что мои родители ценили в людях и в искусстве здоровое начало и сами не умели жаловаться. Петр Петрович удивительно умел радоваться жизни, во всем видеть добро. Проснется, взглянет в окно

«Дождь летит, как из ведра, на улицу не выйти, а он как будто доволен: «Ну и дождь! Вот так дождь... Если жара, тоже хорошо: «Вот красотища! Жара какая! Парит. Наконец-то лето». И уходит с этюдником до обеда. Возвращается радостный, всегда удивительно радостный. Все вокруг него кажется особенным.

Я и сейчас будто вижу те вечера и сама радуюсь им. Пришел Петр Петрович, на столе под желтым уютным светом керосиновой лампы молнии с круглым фитилем стоят варенье, шипит самовар, лежат огурцы, редиска, тепло, уютно. Все рады отдыху, но предвкушение завтрашних счастливых трудовых будней придает особенную прелесть вечеру. Какая-то чудесная семейная вечерняя обстановка. Иногда тут же Петр Петрович делает карандашные наброски.

— Керосиновая лампа? Это традиция дома?

— Петр Петрович не проводил у себя дома, в Буграх, электричества. Он считал, что живопись лучше сматреть при свечах или свете керосиновой лампы. И не только живопись, но и лицо человека, глаза,

Наконец Петр Петрович как-то лукаво говорит:

— Хорошо, я согласен. Мы с Мишей оформим спектакль. Только на сцене не будет ни единого предмета. Мы все напишем, даже роль на сцене, а уж вишневым-то сад так и проснется на холст.

Я себя почувствовал как в разбойничьем гнезде. Что ни предложение — всему отпор. Света нет, свечи, все переглядываются. На дворе предливной дождь...

Мне кажется особенно интересным свидетельство дочери художника о той радостной влюбленности ее отца в жизнь, в труд, в цветение земли, которая и воплощалась в живописи Кончаловского. И, может быть, даже не замечая этого, она вносит эту жизнерадостность, оптимизм, энтузиазм, унаследованные от отца, и в свою жизнь, и в свое творчество, и в свою общественную деятельность. Я говорю Наталья Петровна об этом.

— Для меня не существует искусства, рождающегося не из жизни. Нет, я ни в какой мере не отрицаю ни мечты, ни фантазии, ни мысли, но мне близко то, что непосредственно родилось из дел, фактов, событий, из всего земного, действительного, предметного. Меня волнует то, что было, есть, волнуется сама жизнь, ее мне хочется осмыслить. Когда меня захватила история Москвы, я стала изучать ее, работала в архивах, библиотеках, исследовала все московские улицы. Так родилась «Наша древняя столица». Теперь, проходя по городу, я могу читать историю московских улиц, как раскрытую книгу.

Мы с Натальей Петровной идем по одной из старых улиц Марьиной рощи. Смеркается. Улица не по-московски тихая, двухэтажные дома. В окнах зажигаются первые огни.

— О чем же, например, говорят вам эта улица?

— В этих домах жили когда-то купцы. Вот эти первые высокие этажи — бывшие лавки, парикмахерские, портняжные мастерские, трактиры. Вторые этажи — пониже, потому что здесь были комнаты, где жил хозяин с дочками. Тут вот висела вывеска, написанная через ять.

Проходим под низко нависшей

обломкам домашней утвари и обгорелому венцу дома могут точно рассказать о людях минувших веков.

— Когда Владимир Андреевич Фаворский писал статью «Всего себя», я по поручению редакции поехала его на даче в Звенигороде и дома в Перове, где в его мастерской хранятся первые оттиски гравюр к «Нашей древней столице». Владимир Андреевич говорил, что, работая над этими иллюстрациями, он стремился выразить то главное, что вообще характерно для русского искусства живописи и поэзии, — монументальную лирику, когда один образ (и в этом-то его монументальность) рождает представление о русском характере вообще, о человеке, в чьем сердце может вместиться бездна горя, но огромная духовная сила помогает ему с достоинством вынести все и не сломиться.

— Я очень люблю иллюстрации Фаворского к этой моей книге. По замыслу Владимира Андреевича, они должны были напоминать иллюстрации к старинным русским книгам, в стиле, соответствующем времени, о котором говорится в стихах. Мы получили разрешение осмотреть фрески кремлевских соборов. В 1947 году Кремль был еще закрыт, а в соборах не было электрического света. Сопровождал нас солдат в ушанке, похожий на старинный русский шлем, с огромной витой золоченой свечой. Краснолицый с мороза в ушанке, с величальной свечой, которую он сжимал руками в меховых рукавицах, как копье, со строгими синими глазами и нахмуренными бровями, он сам был похож на одного из воинов на этих древних росписях. Фаворский сказал про него: «Смотри-ка! Солдат-то наш, как Георгий Победоносец!».

Одна свеча на весь темный собор, позолота, живое, трепещущее пламя, бросающее отсветы на лики и живые лица, — все это было до такой степени органично, что сливалось в неистребимое ощущение Руси. Именно единство видения образов прошлого и настоящего характерно для Фаворского в этой работе. Древняя и современная Москва, Кремль и университет даны им в той условно-стилизованной ма-